

Айварс Странга

Рига, Латвия

РАСИСТСКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ В ЛАТВИИ: «ПЕРКОНКРУСТС» И ДРУГИЕ (1932—1933 гг.)

Одним из опаснейших явлений во время экономического кризиса в Латвии (начиная с конца 1930 г.) был небывалый и невиданный прежде рост массового антисемитизма. Его исходным моментом были выборы Сейма¹ четвертого созыва осенью 1931 г. и их неожиданный катастрофический результат для «национального блока» Арведа Берга: в третьем Сейме у него было восемь мест, и это была третья по величине политическая сила в парламенте; теперь он не завоевал ни одного места, а латвийские коммунисты, по-любительски переодетые во «фракцию рабочих и крестьян», получили семь мест — почти столько же, сколько Берг в 1928 г. — и стали пятой по величине группой в Сейме; это явилось наказанием Бергу, который сам способствовал проникновению коммунистов в Сейм с целью подорвать влияние социал-демократов, но побежденным оказался сам блок бергистов. Десять лет в латвийской политике — с 1921 г., когда бергисты оформились как политическая группа, — были временем таких глубоких идеологических перемен, какие вряд ли пережила какая-нибудь другая партия среднего класса в стране в начале 20-х гг. «Беспартийный национальный центр» — так бергисты назывались в то время — создавался как попытка объединить три несовместимые вещи: допущение доли известного либерализма в экономике (выступая против излишнего вмешательства государства в экономику, поддерживая поступление иностранного капитала в Латвию, что приближало бергистов к партиям прибалтийских немцев и евреев, а не к латышским партиям) с «национальным принципом» в народном хозяйстве, который отвергал предшествующий либерализм, и умеренный антисемитизм (следует отметить, что антисемитизм здесь появился после того, как Берг потерял пост министра внутренних дел в июне 1921 г. и занялся политикой; как министр он был известен, даже окружен слухами — они будут ходить очень долго — как довольно благожелательный к впуску в Латвию евреев из России, Польши и Литвы; у многих были обоснованные подозрения, что это делалось не бесплатно)². Результатом сосуществования трех несовместимых принципов могло быть только одно: национализм полностью подавил либерализм; десятью годами позже, в 1931 г., остался только «национальный принцип» — тривиальное требование растущего и планомерного вмешательства в экономику с целью оказания поддержки «благополучию латышского народа», «латышским предприятиям» и, понятно, антисемитизм³.

Однако в раздраженной атмосфере экономического кризиса все, что говорили бергисты, звучало устарело, отчужденно и слишком элитарно; их слова не находили отклика в кругах простых людей — популизм был чужд Бергу. Даже его

Перевод с латышского.

антисемитизму не хватало истерической возбужденности: пока его антисемитизм существовал только во взглядах самих бергистов, он был социально узок и маловлиятелен; как только он начинал овладевать «массами», он иногда вызывал возражения у самого Берга. «Массы» — это были не только корпоранты (члены студенческих корпораций. — *Ред.*) или бывшие скандалисты Латышского национального клуба, но и социально разоренные круги, и эти круги нередко вызывали у Берга отвращение — как социально чуждые и слишком грубые; «...наивный вождь Поне (лидер национального клуба. — *А. С.*) напрасно ждет Арведа Берга на своих собраниях. Арвед, понятно, горячий националист, но он еще больше «джентльмен» и европеец. Он не может выступать там, где говорят, что во благо Латвии необходимо бить жидов...» — метко писала газета „*Aizkulises*” («За лисами»). Чем политически слабее становился Берг, тем больше пропадала «европейскость», что все же не делало его более популярным — это была банальная история с предвидимым результатом. Последние остатки популярности отнял его отношение к прибалтийским немцам: Берг, родившийся в немецкой Риге, благодаря своему образованию, культурным и социальным связям всегда был толерантен по отношению к прибалтийским немцам и не мог подчиниться германофобским настроениям в Латвии, которые так сильно и даже уродливо вспыхнули в 1929—1931 гг. и которые достигли своей кульминации летом 1931 г., когда рижский Домский собор забрали у немецкой лютеранской общины и передали латышским общинам. Представления Берга о культуре и правовых нормах не позволяли ему плыть вместе с популистскими антинемецкими силами, и в Сейме четвертого созыва группы Берга больше не было. Ну, и демократия больше никуда не годилась, если она смела с политической сцены представителей «лучших семейств»; демократия стала еще более ненавистной, потому что социал-демократы, левое течение, которые, по представлениям бергистов, были врагами государства, людишками из «низших слоев», продолжали действовать как значительная политическая сила. Совсем неудачной была и попытка Берга превратить отделение политического и национального воспитания Рижского латышского общества, в работе которого он активно участвовал, в интеллектуальный центр националистов — от общества веяло той же болтливостью и стариковством; ко всем другим невзгодам прибавилось неудержимое ухудшение финансового положения Берга и то, что от него отвернулась как от неудачника латышская буржуазия; бергисты представляли терпящую экономический спад старую буржуазию, чьи интересы мало заботили демократическое Латвийское государство — оно думало об умножении своего собственного, государственного имущества или о поддержке крестьян, а не о заспавшихся домовладельцах прошлого века.

Закат бергистов открыл дорогу грубому, расистскому, агрессивному и популистскому антисемитизму. Сначала в 1931 г. появился ежемесячный журнал Г. Калниньша и П. Ласиса „*Tautas Vairogs*” («Щит народа»), который в последующие четыре года истерично пропагандировал взгляды о губительном влиянии евреев на «латышскую кровь». Тяжелое поражение Берга открыло дорогу и новой политической организации — «Угунскрустс» («Огненный крест»; позднее «Перконкрустс»⁴ — «Громовой крест»), которая должна была учиться на ошибках Берга и преодолеть их. «Угунскрустс» был буквальным продолжением антисемитизма прошлых лет даже в самом простом, физическом значении: первое собрание его основателей состоялось 5 ноября 1931 г. в помещении руководимого Бергом бюро Национального объединения в Риге, на ул. Бривибас, 4, и вел его

председатель академической секции объединения и бывший активист Латышского национального клуба Густав Целминьш⁵; в собрании участвовал также большой почитатель Берга Адольф Шилде⁶ („*Latvis*” была его «любимой утренней газетой»). (Впоследствии бюро «Угунскрустса» находилось в Риге на бульваре Зигфрида Мейеровица, 11. В ряды активных членов принимали только мужчин.) Целминьш, взяв на себя руководство академической секцией в надежде радикализировать стареющее объединение; результат был неутешителен: он сам был кандидатом в избирательном списке бергистов и провалился вместе со всем списком. Такого самолюбивого человека с вождистским комплексом, как Целминьш глубоко, оскорбило то, что воображаемая им самим большая роль в руководстве буржуазией вылилась в мыльный пузырь: 29 сентября 1931 г., в самый канун выборов, он сделал доклад на заседании правления Союза обществ филистеров корпораций о тактике и перспективах буржуазных партий; оказалось, что к нему не прислушались не только избиратели, но даже буржуазия, которой он хотел руководить. Теперь, после поражения, он хотел создать что-то новое; это было насущно необходимо, чтобы преодолеть старую политическую программу бергистов и выжить политически. Начиная с декабря 1931 г. каждое воскресенье стали собираться примерно 20 основателей новой организации.

Берг и все его друзья были староваты, даже стары, утратили динамизм, все было буржуазные; перконкрустовцы — молодые (самому Целминьшу было немногим более 30 лет — уже почти «старик» в кругу молодых шовинистов), пламенные, антибуржуазные — понимая под этим упадок буржуазного парламентаризма (но не полностью антикапиталистические: интересы латышских частных предпринимателей, особенно мелких, были для них почти святы). Замысел перконкрустовцев состоял в создании нового энергичного массового объединения, преодолев социальную узость бергистов и элитарность самого Берга, и вовлечение в него городских и даже сельских — на которых Берг, идеолог старой рижской латышской буржуазии, не оказывал никакого влияния — «низших слоев», а также рабочих (за их привлечение активно выступал Шилде) и безработных; Целминьш особо подчеркивал: «...личностей с популярным общественным или политическим именем надо по возможности избегать — это не производители и в определенной степени связанные (со старой политической системой. — *А. С.*)⁷». Примечательно, что вначале перконкрустовцы даже не желали в своей идеологии полностью отдать совершенно неизбежную дань господствовавшему в Латвии антинемецкому духу, а только концентрировались на крайне радикальном антисемитизме, в котором, как они считали, Берг стал умеренным и даже в своих коммерческих делах — с каждым годом все более неудачных — вступал в связь как с братьями Гофами, так и с д-ром В. Зивом⁸ и другими еврейскими предпринимателями. Для перконкрустовской мелкобуржуазной революции и массовой организации Берг явно не подходил.

Социал-демократ д-р Ф. Мендер назвал «Перконкрустс» «баловнем старой буржуазии» — но это было правильно лишь частично: старая буржуазия действительно будет баловать перконкрустовцев и после 15 мая⁹, оказывая им материальную помощь, однако в своей идеологии и политике перконкрустовцы не хотели плестись в хвосте у обанкротившейся старой буржуазии. Во взглядах на экономику Латвии перконкрустовцы действительно продолжали следовать любой установке латышской буржуазии прежних лет, направленной против крупного капитала, выражая особую ненависть к финансовому капиталу и даже к самой

Риге как к чрезмерно космополитической, к ее нелатышскому центру, куда латыш «обещает прийти с дубиной» и превратить Ригу в латышский мелкобуржуазный город¹⁰. В этом было мало нового: в Латышском крестьянском союзе представление о необходимости подчинить нелатышскую и слишким левую Ригу, ввести «верховенство» крестьян, «ухудшить условия жизни в городе» и бороться с «дармоедством» горожан посредством «дисциплинарных трудовых лагерей» были широко распространены уже до 15 мая; в свою очередь айзсарги¹¹ еще задолго до переворота — по признанию самого Ульманиса — были готовы к походу на Ригу, как прославивший Муссолини (но так и не состоявшийся) поход на Рим в 1922 г.¹²

Какие же средства «Перконкрустс» предлагал для борьбы против нелатышского капитала?

Планомерность и «организованное национальное народное хозяйство» — ничего нового в этом не было, но была удивительная близорукость; Ульманис предлагал это уже в 1929 г. в своем весомом сочинении «Как поднять сельское хозяйство»: образцовые планы работы и т.п.; еще несравненно больше будет после 15 мая, вплоть до разработанного Министерством финансов в 1938 г. шестилетнего плана развития и несдерживаемого государственного контроля в экономике и даже ограничения латышского частного собственника, что оказалось слишком даже для перконкрустовцев, но вину следовало искать в самих себе — Ульманис осуществит очень многое из того, что хотели они, более того, не спросив у них совета. «Перконкрустс» требовал подчинения экономики «справедливой власти государства», разумеется, власти только латышей; такой этнический этатизм в Латвии был популярен уже в 20-х гг., после 15 мая он будет реализован с избытком, особенно — в известном афоризме Ульманиса 1937 г. — то, что и как будет производиться, определит государство, т.е. в принципе «о частном предпринимательстве в его существенном значении больше говорить не приходится...»¹³. «Перконкрустс» требовал автаркии («будем потреблять только латвийские изделия...»); в кругах Латышского крестьянского союза это тоже было популярным требованием, которое 3—4 марта 1934 г. на съезде партии Ульманис высказал в призыве: «производить лишь столько, сколько можно потребить в стране...»¹⁴; после 15 мая автаркия провозглашалась неоднократно, но без малейших возможностей ее осуществления. Экономические воззрения «Перконкрустса» в целом были достаточно традиционными, неоригинальными; требование сокрушить экономические позиции евреев и начать борьбу за экономическую самостоятельность латышей в принципе мало чем отличалось от «экономического фронта» уже упомянутого политика Латышского крестьянского союза А. Кливе. Призывы «Перконкрустса» не покупать у евреев и вытеснить еврейские предприятия, открывая армейские экономические магазины даже в провинции¹⁵ — это тоже не было оригинальным требованием, оно встречалось у латышских партий до 15 мая, но после этого обрело гротескный — хотя и этнически окрашенный — характер, как, например, намерение (которое не успели реализовать) построить армейский экономический магазин в маленьком латгальском местечке Дагда, где в этом не было никакой экономической потребности, но была политическая «надобность» — практически вся торговля в Дагде находилась в руках евреев, и это не удовлетворяло режим Ульманиса.

Оригинальным и новым в «Перконкрустсе» было то, что радикальный расистский антисемитизм был не только центральным, интегрирующим, но факти-

чески единственным серьезным принципом движения; это был не только принцип, это была одержимость, болезнь. То, к чему призывали перконкрустовцы, по крайней мере их самые видные представители, было уже почти требованием изгнания евреев из Латвии, если не более того. Поэт Леонид Брейкш писал: нельзя допустить что «на нашей земле день ото дня все тверже закрепляются современные потомки вырождков из Малой Азии... Поднимем штыки и уничтожим их!»¹⁶ По интенсивности антисемитизма такие лозунги не отставали от нацистских в Германии. Постыдным было то, что в течение более чем двух лет, до государственного переворота 15 мая 1934 г., их очень активно распространяло академическое издание Латвийского университета „*Universitas*” («Совокупность»).

Шовинизм в Латвии в годы кризиса действительно возрос и даже подчинил себе людей высокой культуры (А. Кениньш, К. Скалбе и др.), но в прямой антисемитской истерии «Перконкрустс» достиг патологического уровня: «...все вы, которые еще не окончательно разорены последствиями созданного жидами международного кризиса, — прочтите и обдумайте... Ближится зима, и к голоду добавятся темень и мороз...»¹⁷ Экономический кризис серьезно способствовал нарушению психологического равновесия, особенно в той среде, где равновесия никогда не было, — мелкобуржуазной и полуинтеллигентной, и все же утверждение, что зима, темень и мороз являются результатом еврейского заговора, было существенным «вкладом» в общественное мнение латышей. Антикапитализм «Перконкрустса» тоже полностью был пронизан антисемитизмом: идеологическим нападкам подвергся даже бывший министр финансов Рингольд Калнинг — «отец» лата, потому что «связался с жидами»; неизбежно должны были последовать и последовали нападки на доллар как на воплощение «жидовского новшества». На «жидизм» была также возложена ответственность за создание парламентской демократии, которую перконкрустовцы отвергали. «Мы знаем, что перед нашими глазами в неприглядных судорогах агонии дергается строй политических партий, в угаре жидовского „купи-продай” звенят Иудины сребреники, слышатся распоряжения невидимых руководителей». Новым было и откровенно выражаемое «Перконкрустсом» требование того, каким образом сокрушить экономические позиции евреев и их самих, а именно: буквально, физически «следует позаботиться о том, чтобы физические резервы жидов уменьшились, т.е. чтобы появились юридические нормы и власть, которая будет их выполнять... (т.е. осуществить «уменьшение резервов». — А. С.)»; лозунгами были: «Час для жидов пробил!», «Учения чужеземных мудрецов о братстве народов, равенстве между конфессиями и расами... для нас не важны...»¹⁸ Как бы этого ни хотелось, но очень трудно избежать вывода, что — по крайней мере частично — идея уничтожения евреев родилась задолго до нацистской оккупации Латвии.

Сама организация «Перконкрустс» закончила свое формирование в январе 1932 г.; именно в это время руководство латышских студенческих корпораций — Союз обществ филистеров на заседаниях своего правления неоднократно засвидетельствовал растущее отклонение «академической семьи» от рассудка и чувства меры, т.е. от культуры, рассматривая такие «академические» вопросы, как переход латышского имущества в «руки жидов». Если попытка предотвратить этот переход при помощи «Справочника для латышей» свидетельствовала об антикапиталистическом отчаянии, то решение внеочередного собрания делегатов Соза обществ филистеров 27 мая 1932 г. бойкотировать принадлежа-

щие еврейя рестораны «Альгамбра» и «Лидо» — как угрожающие латвийской нации — уже свидетельствовали о переходе к гротеску, по крайней мере, так же, как и требование обязать членов корпораций покупать только латышские изделия и ограничить потребление заграничных товаров¹⁹. Духовное равновесие окончательно утратили два члена академической общественности — Плакис и Витолс, которые присоединились к «Перконкрусту» и стали популяризировать в Латвии расовую теорию и бороться даже с масонством как орудием «жидовского заговора» против Латвии; Витолс требовал запретить евреям посещать латышские школы и преподавать в них; он был также одним из первых, кто последовательно пропагандировал идею разрушительной роли в мире «жидов-коммунистов»²⁰. Он призывал к формированию в Латвии латышской аристократии. «Самые способные представители народа выдвигаются в верха, как Муссолини и Гитлер (*sic!* — *A. C.*) и создают новую аристократию, когда на старую, отравленную ложными идеями и попавшую в услужение к жидам, больше нельзя полагаться»²¹.

Однако, расизм и евгеника (в понимании расовой гигиены) распространялись и среди тех членов корпораций, которые не были в «Перконкрусте»: известный публицист Петерис Дардзанс (который одновременно был высокопоставленным чиновником в Министерстве внутренних дел Латвии — начальником отдела печати и членом Латышского крестьянского союза) даже предлагал пересмотреть Латвийский закон о подданстве: «...неправильно с точки зрения расовой гигиены и то, что наш закон о подданстве предусматривает одинаковый срок для всех рас...»²². Правда, евгеника в Латвии не приобрела такого преступного распространения, как в Германии, где еще до прихода Гитлера к власти, в ноябре—декабре 1932 г. было широко распространено требование законов о стерилизации, однако было бы совершенно ошибочно не замечать появление этих бредовых кошмаров и в Латвии; облачение расистского мышления в псевдонаучный язык везде, где оно появлялось, способствовало росту ксенофобии и антисемитизма²³.

Хотя латыши в своей истории так много страдали от различных завоевателей, а один прибалтийско-немецкий барон даже сравнил латышей с говорящими орудиями труда, а не с людьми (барон Розен, 1739 год), теперь в латышской академической среде появились утверждения, что не все люди равны. Волдемар Бекер утверждал, что равенства людей нет и не может быть, что начатая Гитлером борьба против евреев справедлива и ее следует поддержать, причина кризиса общества кроется в «противном законам природы принципе равноправия всех жителей»²⁴.

В 1932 г., когда «Перконкруст» («Угункруст») сформировался и впервые участвовал со своим списком в выборах студенческого совета Латвийского университета, отклик был ничтожным — они получили лишь 113 голосов в университете, в котором число студентов превышало 6000, и одно место в студенческом совете университета. Попытка перконкрустовца А. Риекстиньша в мае 1933 г. добиться, чтобы студенческий совет на два года запретил прием евреев в университет, была однозначно отвергнута. На следующих выборах, осенью 1933 г., несмотря на то, что «Угункруст» и «Национальные активисты» были закрыты 17 марта того же года, результат был намного внушительнее: угункрустовцы превратились в перконкрустовцев и получили 10 % голосов (649 студентов) и четыре места в студенческом совете (А. Риекстиньш, О. Спунде, Э. Ренцис, А. Зи-

ленс-Зилитис); ни у одного списка не было такого значительного роста числа сторонников²⁵. Фактически они все же получили ровно в два раза больше — 20 % голосов, потому что четыре студентки, избранные по «объединенному студенческому списку» (латышские женские корпорации), — З. Куне, М. Деглава, З. Бебре, М. Кнока полностью поддерживали перконкрустовцев²⁶.

Существенным, однако, является другой аспект — увеличение числа сторонников идей, которые в чистом виде высказывал «Перконкрустс», в среде многих других студентов. Перконкрустовец А. Шилде характеризовал всех евреев как нелояльных Латвии и всех латышей как несчастные жертвы «ласск жидовских годов»; перконкрустовец А. Риекстиньш на заседании студенческого совета Латвийского университета 26 октября 1933 г. потребовал ввести процентную норму (только для евреев); он получил поддержку абсолютного большинства совета — 26 из 34 членов, которые присутствовали на заседании, включая голос летонца (члена корпорации «Летония»), но не перконкрустовца Р. Плуме, председателя совета («студент в Латвии — это латыш», — декларировал Плуме); все латышские студенческие фракции были «за» (решение все же не вступило в силу, потому что его отклонил совет университета как не соответствующее уставу (*satversme*) университета; в университетском совете еще царил дух толерантности)²⁷. Весьма показательной была позиция студента-юриста О. Розитиса: он обоснованно признал, что принятие процентной нормы означало бы «...выдать латышским студентам, по крайней мере большей части латышских студентов, свидетельство духовной нищеты... латышская имущая молодежь посещает университет большей частью потому, что положение студента дает много возможностей приятного времяпровождения...»; так что принятие процентной нормы означало бы самим признать свою неполноценность. Правильно, но сам он поддержал решение студенческого совета²⁸.

Ясно, что «Перконкрустс» не охватил все 19 корпораций латышских студентов и 7 корпораций латышских студенток, его влияние сильнее всего было в «Летонии» и «Селонии», но расистские идеи перконкрустовцев получили довольно значительное распространение среди студентов, интеллигенции и в провинциальной прессе. Наряду с «Перконкрустсом» существовали организации другого рода и настроенности, которые — нередко — были даже радикальнее перконкрустовцев. „*Tautas Vairogs*” («Щит народа») не удовлетворялся лишь беспрестанной проповедью натуральнейшего антисемитизма — «жидкоммунист», «жид-садист», «жид-чекист», но и совершенно открыто поддерживал политику Гитлера по отношению к евреям, так же как местные латышские нацисты. Возглавляемая Я. Штельмахером Латышская национал-социалистическая партия была ничтожной по численности — 93 человека, однако очень шумной. Многие ее лозунги были подобны перконкрустовским, например: «Латыши, будем бойкотировать жидов»; 13 мая 1933 г. нацисты начали публиковать списки кинотеатров, принадлежащих евреям, в июне — «списки латышских и арийских фирм», для того чтобы латыши („*latvi*”) знали, в какие предприятия и магазины податься; 1 июня они призывали: «Латыши и арийцы — будем строго бойкотировать летние симфонические концерты под управлением жидов»²⁹. Так же как перконкрустовцы, нацисты популяризировали *«Протоколы сионских мудрецов» и — как это было характерно уже с 1923 г. для немецкого нацистского листка “*Der Stürmer*” («Штурмовик») — возлагали на евреев ответственность за якобы характерные для них сексуальные преступ-

ления против христиан: в духе «правил» сионских протоколов: «Жидовская молодежь взялась за совращение и изнасилование арийских девушек...»³⁰. В то же время у нацистов были две особенности, которые в то время — в 1932—1934 гг. еще не были характерны для «Перконкруста». Во-первых, называя себя нацистами, они открыто и однозначно поддерживали Гитлера и его политику по отношению к евреям, втайне надеясь, что так они внедряют «...падение жидовства»; во-вторых, хотя «Перконкруст» и проповедовал расизм, нацисты подняли его на новую ступень идиотизма, объявив, что «древние латыши — самый чистый арийский народ в Европе», осудили «Перконкруст» за недостаточный антисемитизм и ясно выражали требование физического уничтожения евреев: «Мордухаизм должен умереть, чтобы Латвия могла жить!»³¹ Даже если такие убийственные взгляды были присущи только одной сотне латышских граждан, их существование нельзя игнорировать; удивление вызывает то, что нацистский листок „*Zilais Ērglis*” («Синий орел»), как и „*Tautas Vairogs*”, не был запрещен и свободно циркулировал в демократической Латвии (листок даже привлек внимание фаворита Ульманиса — Вильгельма Мунтерса именно тогда, когда Ульманис стал помышлять о подготовке переворота и занялся компиляцией «новой идеологии» — Мунтерс не только прочел листок за 1 июля 1933 г., но и отметил в своем дневнике самые существенные идеи: «Гитлер объединяет народ и избавляет его от классовой политики». Притягательный замысел единения нации — *Volksgenossenschaft*).

Очень близок к штельмахеровцам был листок русских нацистов «Завтра», который начал выходить в Риге 15 октября 1933 г. и отражал проникновение экстремальных идей и в местное русское провинциальное общество. Уже в мае 1931 г. в Харбине была основана руководимая К. Родзаевским русская фашистская партия; в мае 1933 г. в США А. Вонсяцкий основал другую организацию — Всероссийскую фашистскую национал-революционную трудовую и рабоче-крестьянскую партию; теперь русские нацисты начали проповедовать в Риге. Листок финансировали известный антисемит К. Крастиныш, обрусевший латыш, владелец типографии «Дзимтене», и, возможно, самый скандальный латышский антисемит Янис Давис и издатель ежемесячника „*Tautas Vairogs*” Г. Калниньш³². Симпатии листка к нацизму выражались в восхвалении Гитлера, расистском антисемитизме, в том числе в полностью нацистском утверждении, что евреи развязали мировой экономический кризис и погубили Россию в диктатуре коммунизма, а освобождение от всемирного еврейского заговора принесет только нацистская Германия³³. Тесное сотрудничество установилось между «Завтра» и возникшим в годы кризиса и руководимым Эмилем Карлсоном экстремистским «хозяйственным центром», который даже получил представительство в Рижской думе и в свои ряды вовлек также русских. Все мероприятия Карлсона популяризировались на страницах «Завтра». 14 января 1934 г. на многолюдном митинге в Риге, в Московском форштадте³⁴, в 7-й русской средней школе, Э. Карлсонс и некто П. Ефимов потребовали выслать всех латвийских евреев в Палестину, их имущество — «награбленное» — экспроприировать, а основные отрасли экономики Латвии — национализировать (такое требование уже не было по душе даже каждому антисемиту)³⁵. 11 марта 1934 г. Карлсонсу с теми же лозунгами удалось собрать полный, весьма вместительный зал Большой гильдии³⁶.

Значительно более многочисленными были руководимые В. Озолсом и П. Апинисом «легионеры»³⁷; хотя и их организация была закрыта 17 марта

1933 г., она фактически продолжала свою деятельность. Не один-единственный латыш усвоил для себя худшие свойства офицеров армии царской России, однако Озол был непревзойденным в авантюризме и политическом бродяжничестве. В начале 30-х гг. он связался со странной Партией труда профессора Карлиса Балодиса, но Балодис — хотя и был курьезным, наивным популистом — все же никогда не был последовательным антисемитом (несмотря на поддержку требования «национальной справедливости» в экономике; в 1933 г., с приходом Гитлера к власти и развернутой им дискриминации евреев, Балодис и его верный последователь П. Залите категорически осудили нацистскую Германию. Пути Балодиса и Озола разошлись, и в июле 1933 г. вылилась газетенка легионеров „*Tautas Vienība*” («Единство народа»), которая однозначно заявила: «...куда только ни внедрялись жида, страна погибала...»; выход из этого «бедствия» легионеры видели в вытравливании евреев из народного хозяйства Латвии — начиная с уничтожения капитала *Ostjuden* (восточноевропейских евреев) и создания таких условий, которые заставят евреев эмигрировать из Латвии. Отличие «легионеров» от «Перконкрустса» было довольно существенным: своей главной целью они считали установление военной диктатуры — диктатором, понятно, был бы Озол; главным средством они считали военный путч, как это уже давно было характерно для шовинистического лагеря, прийти к согласию с «Перконкрустсом» они не могли и из-за личных амбиций — Озол хотел подчинить перконкрустовцев, перконкрустовцы подчиниться не хотели: на фланге шовинистов было большое перепроизводство экзальтированных мелких буржуа, интеллигентов и других «харизматиков» («Новая Латвия», Общество содействия культуре и спорту «Дзимтене» («Родина») и др.); можно сказать, что они были жалкими и несчастными — если бы не были столь противными и потенциально преступными. Откровенная ненависть к либерализму и шовинизм все же позволяли членам этих организаций легко переходить из одной в другую или даже одновременно находиться в нескольких³⁸. Радикальный антисемитизм начал звучать даже в Сейме, где его выражало еще одно уродливое образование кризисных лет — Новое крестьянское объединение, самая экстремальная из буржуазных партий в парламенте, которая была идейно близкой к «Перконкрустсу»; ее депутат П. Лейкартс заявил: «Немецкий фашизм породило не что иное, как... учение жида Маркса о ненависти и лени...»³⁹ Даже у социал-демократов появился тщедушный соперник — Национал-демократическое общество крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции, которое старалось привлечь «трудящихся» тем, что было абсолютно чуждо социал-демократам, — шовинизмом.

Шовинизм и антисемитизм стали появляться и в движении диетуров⁴⁰. Оно возникло в 1923 г. и вначале причудливо интересовалось только древними городищами и орнаментами, поклонялось своему «боженьке» и вдохновенно играло на кокле⁴¹; диетуры были смешны, но безвредны. Тем не менее так называемая болезнь латышской интеллигенции не миновала и их: только лишь игра на кокле уже не удовлетворяла, и они тоже решили, что надо что-то сказать — или даже сделать — в политике. Вождь диетуров Э. Брастиньш требовал «ревизии национализма», т.е. перехода государственной власти только в руки латышей, чтобы при помощи этой «латышской» власти — нациократии осуществлять антикапитализм и подвергнуть ревизии либеральную Конституцию 1922 г. «...Тогда (в 1922 г. — А. С.) мы написали „суверенная власть принадлежит народу Лат-

вии”, мы забыли, что надо написать, что „власть принадлежит латышскому народу”. Все еще забывается, что жид и цыган — тоже „народ Латвии”, — жаловался Брастиньш, который, понятно, не мог смириться с такой «несправедливостью», что «жид и цыган» — такой же народ Латвии, как народные коклисты⁴². Его искреннюю тревогу по поводу того, что в Латвии могли вообразить, что евреи и цыгане также являются народом Латвии, все больше разделяли не только чудаки. Идея политической нации, которой была проникнута Конституция, в 1933—1934 гг. уже была почти мертва, так же как и во всех восточноевропейских странах. Сами диевтуры, в свою очередь, все больше сближались с «Перконкрустсом» и после 15 мая часто полностью сливались с ним; сам Брастиньш начал казаться слишком умеренным крайним экстремистам, которые в рамках диевтуров создали группу, название которой — «Божьи псы» — свидетельствовало о том, что соединение богоискательства с шовинизмом способствовало буквальному затмению разума.

Антисемитизм возрастал даже в таких организациях, которым он раньше был чужд и которые даже считались левыми; 29 мая 1933 г. в Доме Рижского латышского общества состоялась конференция 12 организаций, объединявших демобилизованных военнослужащих. В ходе нее несколько делегатов даже потребовали лишить латвийских евреев гражданских прав, что уже далеко превосходило бытовую антисемитизм⁴³. Радикальный антисемитизм стал распространяться и в среде прибалтийских немцев, даже среди таких политиков, которые в первой половине 20-х гг. вместе с евреями защищали права национальных меньшинств. Типичным примером была перемена позиции депутата от прибалтийских немцев Латвии Вильгельма Фиркса в начале 1933 г., когда латвийские евреи начали критиковать антисемитизм нацистской Германии. Фиркс очень резко выступил против латвийских евреев — *Ostjuden*, являющихся главными виновниками беспорядков; между М. Лазерсоном⁴⁴ и В. Фирксом возникла полемика, которую прервала только внезапная смерть Фиркса⁴⁵. Еще сильнее антисемитизм распространился среди руководимых адвокатом Э. Крюгером нелегальных намецких нацистов; воодушевленные победой Гитлера, последователи Крюгера весной 1933 г. начали борьбу за верховенство среди прибалтийских немцев, приобретая растущее влияние в среде немецкой молодежи, в студенческих корпорациях. 9 апреля 1933 г. произошел первый инцидент, который привлек внимание широкой общественности — празднество, устроенное корпорацией «Фратернитас Балтика» на ул. Марияс, 7, переросшее в откровенно антисемитское хулиганство; немецкие корпоранты не ограничились лишь громкими возгласами «хайль Гитлер!», но выбили окна в доме, принадлежавшем еврею Замуэльсону; жильцы дома свидетельствовали, что немецкие корпоранты в последнее время регулярно громко выкрикивали антисемитские призывы⁴⁶. В начале июня на улицах Риги уже имели место несколько столкновений между местными немцами и евреями, вызванные агрессивным поведением немцев, демонстративно кричавших: «Мы будем бить жидов»; антисемитизм возрос в крупной газете “*Rigasche Rundschau*” («Рижское обозрение»), что отражало ослабление позиций толерантного редактора д-ра П. Шимана (30 июня 1933 года он был смещен с редакторской должности) и усиление влияния нацистского рейха; рост антисемитизма в общине прибалтийских немцев отметил и генеральный секретарь Министерства иностранных дел В. Мунтерс в своем письме послам Латвии за рубежом⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. прим. 3 на с. 289.
- ² Latvis. 1921. 18. sept.; Bezpartejiska nacionāla centra darbības virzieni. R., 1922. 4. lpp.
- ³ Latviešu Nacionāla Apvienība (programma). R., 1931.
- ⁴ «Перконкрустс» (латыш. «Громовой крест») — политическая организация в Латвии (образовалась из основанной в 1922 г. организации «Латышский национальный клуб»), включала главным образом студенческую молодежь (руководитель Г. Целминьш). Программа и атрибутика были заимствованы у итальянских и немецких фашистов. В 1934 г. была запрещена латвийскими властями. В начале нацистской оккупации (июнь 1941 г.) возобновила свою деятельность, и ее члены добровольно участвовали в массовых расправах над советскими активистами и евреями; в августе 1941 г. была запрещена оккупационными властями, а ее члены влились в нацистский репрессивный аппарат. — *Ped.*
- ⁵ *Stranga A. Arvēds Bergs un Kārlis Ulmanis (1934—1940) // LZAV. 1991. Nr.7. 106. lpp; Aizkulises. 1926. 27. aug.*
- ⁶ Шилде Адольф (1907—1990) — юрист, журналист, историк. До войны активный деятель организации «Перконкрустс», в годы нацистской оккупации — видный нацистский публицист, экстремальный антисемит. В 1948—1955 гг. юридический советник на службе ООН, затем в течение ряда лет возглавлял организации латышской эмиграции и их печатные издания. Труды: «Блага рабства» (1958), «История Латвии. 1914—1940» (1976), «Именем мировой революции» (1983), «Государственные мужи и демократы» (1985). — *Ped.*
- ⁷ *Сiņas paradoksi // Ugunskrusts. 1932. 25. sept.; Gods, drosme, prāts // Ibid. 9. okt; FBS valdes sēžu protokoli (Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 2231, оп. 1, д. 2, л. 18); более обширные материалы об основании «Перконкруста» см.: там же, ф. 3235, оп. 1/22, д. 701, л. 18; требования Г. Целминьша к желающим вступить в организацию см.: там же, оп. 2, д. 5604, л. 70. (Целминьш Густав (1899—1968) — политик, общественный деятель. В 1930—1934 гг. руководитель фашистской организации «Перконкрустс», в 1934—1937 гг. в заключении, затем выдворен из Латвии. В годы Второй мировой войны сотрудничал с нацистскими оккупантами. С 1950 г. жил в США. — *Ped.*)*
- ⁸ Зив Беньямин (1879—1951) — доктор экономики, советник Министерства финансов Латвии и банков.
- ⁹ 15 мая 1934 г. латышскими национально-консервативными силами во главе с лидером Латышского крестьянского союза К. Ульманисом был совершен антиконституционный государственный переворот, установивший в Латвии этнократический авторитарный режим. — *Ped.*
- ¹⁰ *Ugunskrusts. 1932. 25. sept.*
- ¹¹ Айзсарги (латыш. *aizsargs* — защитник) — массовая военизированная националистическая организация в Латвии, созданная в марте 1919 г. для борьбы с большевиками. Действовала сначала на обязательной основе, а с 1921 г. — на добровольной. Послужила основной силой в осуществлении антиконституционного государственного переворота 15 мая 1934 г. и была главной опорой авторитарного режима К. Ульманиса. Вместе с женскими и детскими организациями к июню 1940 г. достигла численности около 68 тыс. человек и практически пронизывала все общество. Была разоружена и ликвидирована советской властью в июле 1940 г., часть членов организации были репрессированы. Во время германской оккупации бывшие айзсарги явились одним из основных резервов нацистских коллаборационистов. В мае 1990 г. организация возобновила деятельность как общественная, однако она малочисленна и ее популярность ничтожна. — *Ped.*
- ¹² *Stranga A. LSDSP un 1934. gada 15. maija valsts apvērsums. R., 1998. 100.—101. lpp.*
- ¹³ *Aizsilnieks A. Daži iebildumi pie Labsvīra taisnošanās // Jaunā Gaita. 1981. Nr. 133. 53. lpp.*
- ¹⁴ *Stranga A. LZS autoritārā režīma gados (1934.—1940.) // Lauku Avīze. 1995. 22. aug.*
- ¹⁵ Листовки «Перконкруста» за июль 1933 г. (ЛГИА, ф. 3236, оп. 1/22, д. 701, л. 108).
- ¹⁶ *Breikšs L. Laiks attapties // Universitāte. 1932. 15. febr.*
- ¹⁷ *Ugunskrusts. 1932. 25. sept.*

- ¹⁸ Cīņu sākot // Ugunskrusts. 1932. 21.aug; Žīdiem stunda situsi // Ibid. 1932. 28. aug; Gods, drosme, prāts // Ibid. 1932. 9. okt.
- ¹⁹ ЛГИА, ф. 2231, оп. 1, д. 2, л. 24.
- ²⁰ *Vītols J.* Politisko zināšanu veicināšana // Universitāte. 1933. 1. febr.; *Plāķis J.* Par brīvmūrniecību // Ibid. 1934. 1. febr.
- ²¹ Universitāte. 1933. 1. nov.
- ²² Ibid. 15. febr. 37.lpp.
- ²³ *Naimark N. N.* Fires of hatred: Ethnic cleansing in the twentieth-century Europe. L., 2001. P. 61.
- ²⁴ Universitāte. 1933. 15. nov.
- ²⁵ Ibid. 15. dec. 270.—271. lpp; Сегодня. 1933. № 177.
- ²⁶ Students. 1934. 16. febr. 3. lpp.
- ²⁷ Ibid. 1933. 30.nov. 6. lpp; Universitāte. 1934. 15. janv. 1. lpp.
- ²⁸ Students. 1933. 16. nov. 2. lpp.
- ²⁹ Zilais Ērglis. 1933. 29. apr., 13. maijs, 17. jun., 1. jul.
- ³⁰ Ibid. 1934. 17. febr.
- ³¹ Ibid. 1933. 16. sept.
- ³² *Stranga A.* Krievu fašisma atbalsis Latvijā // Pilnīgi Atklāti. 1990. Nr. 12. 8.—9. lpp.
- ³³ *Комаров В.* Россия и евреи // Завтра. 1933. 26 окт.
- ³⁴ См. прим. 9 на с. 62.
- ³⁵ Завтра. 1934. 21 янв.
- ³⁶ Там же. 18 марта.
- ³⁷ Имеются в виду члены «Легиона» — основанной в 1932 г. организации участников боев за независимость Латвии в 1918—1920 гг. Ее целью было установление в Латвии «строгого режима». В 1933 г. деятельность организации была приостановлена, а ее руководители выдворены за пределы государства. — *Ред.*
- ³⁸ Отчет политической полиции о деятельности радикальных организаций от 27 апреля 1934 г. (ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/22, д. 921, л. 9—21); следственные материалы В. Озолса см.: там же, д. 701; *Motte A.* Kā cēlies naidis pret žīdiem // Tautas Vienība. 1934. 6. janv; Kā latvju tautas bagātības pārvēršas žīdu mantā // Ibid.
- ³⁹ Runa Saeimā 1933. gada 23. aug. // Latvijas Republikas IV Saeimas stenogrammas. R., 1933. 68.lpp.
- ⁴⁰ Диевтуры — религиозное движение в Латвии в 20—30-е гг. XX в., ставившее целью возрождение древних языческих культов предков латышей (идейные вожди — Э. Брастиныш, К. Брежгис и В. Эглитис). После Второй мировой войны действовали главным образом в США. В Латвии движение восстановило деятельность в 1988 г. — *Ред.*
- ⁴¹ Кокле — латышский народный струнный музыкальный инструмент типа гуслей. — *Ред.*
- ⁴² *Brastiņš E.* Latviskās Latvijas labad: Mājieni un aicinājumi, 1925.—1935. R., 1935. 55., 90.—91. lpp.
- ⁴³ Сегодня. 1933. 30 мая.
- ⁴⁴ См. прим. 56 на с. 279—280.
- ⁴⁵ *Лазерсон М.* Мой ответ Фирксу // Сегодня. 1933. 7 апр.
- ⁴⁶ Сегодня. 1933. 10 апр.; *Cerūzis R.* Vācbaltiešu studentu korporāciju darbība Latvijā starparkaru periodā: atsevišķi politiskie aspekti // Latv. Vēsture. 2001. Nr. 2. 36.—37. lpp.
- ⁴⁷ Сегодня. 1933. 7 июня; Šimanis P. Eiropas Problēma // R. izlase. R., 1999. 10. lpp; Отчеты В. Мунтерса о внешнеполитическом положении государства за 28 февраля и 21 марта (ЛГИА, ф. 2575, оп. 15, д. 92).